

УДК 398.224 (=512.157) (571.56-37)
DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-99-107

Г. Е. Саввинова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ИЗ ОПЫТА СБОРА СВЕДЕНИЙ ОБ ОЛОНХОСУТАХ ВИЛЮЙСКОГО И ВЕРХНЕВИЛЮЙСКОГО УЛУСОВ ЯКУТИИ

Аннотация. В 1940-е гг. Институтом языка и культуры Якутской АССР был осуществлён планомерный сбор материалов по вилюйскому региону. Сотрудниками института С. И. Боло и А. А. Саввиным в ходе экспедиции был записан богатейший фольклорный материал. Продолжая дело выдающихся предшественников, за период 2016–2019 гг. сотрудниками Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова были организованы фольклорные экспедиции в Вилюйский и Верхневилюйский улусы Якутии. Кроме видеофиксации исполнения песенных жанров, сказания легенд, преданий и др. жанров якутского фольклора, участниками экспедиции были собраны сведения об олонхосутах этих двух улусов. Целью настоящей статьи является анализ сведений об олонхосутах Вилюйского и Верхневилюйского улусов, которые имеют важную позицию в вилюйской сказительской традиции олонхо. Материалом исследования послужили анкетные данные, рукописные, аудио- и видеоматериалы, полученные во время экспедиций. Дается краткая характеристика творчеству олонхосутов указанных улусов, рассматриваются особенности сказительского мастерства и традиций, а также факторы, влияющие на формирование их творческой личности. Применен биографический метод исследования: изучены материалы биографии олонхосутов, воспоминания родных, односельчан, знакомых, различные записи, интервью и т. п. Особое внимание уделено творчеству олонхосутов приграничных наслегов Вилюйского и Верхневилюйского улусов. Автор статьи приходит к выводу о том, что отличительной особенностью вилюйских и верхневилюйских сказителей является сильное влияние шаманизма в становлении олонхосутов.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция; Вилюйский улус; Верхневилюйский улус; олонхо; локальная эпическая традиция; сведения об олонхосуте; анкета олонхосута; биография олонхосута; становление олонхосута; шаманизм

Для цитирования: Саввинова Г. Е. Из опыта сбора сведений об олонхосутах Вилюйского и Верхневилюйского улусов Якутии // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 99–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-99-107.

G. E. Savvinova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

From the experience of collecting information about the olonkhosut of the Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts of Yakutia

Abstract. In the 1940s, the Institute of Language and Culture of the Yakut ASSR systematically collected materials on the Vilyui region. Employees of the institute S. I. Bolo and A. A. Savvin recorded the richest folklore material during the expedition. Continuing the work of their outstanding predecessors, in the period 2016–2019, the staff of the Olonkho Research Institute of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University organized folklore expeditions in Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts. In addition to videotaping the performance of song genres, legends, tales and other genres of Yakut folklore, the expedition participants collected information

САВВИНОВА Гульнара Егоровна – старший научный сотрудник сектора олонховедения Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: savgul6767@mail.ru

SAVVINOVA Gulnara Egorovna – Senior Researcher, Sector “Olonkho Studies”, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: savgul6767@mail.ru

about the olonkhosuts of the two districts. The purpose of this article is to analyze information about the olonkhosuts of Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts, who have an important position in the Vilyui olonkho storytelling tradition. The material of the study was questionnaire data, manuscript, audio and video materials obtained during the expeditions. The authors briefly characterize the creativity of the olonkhosut of the mentioned districts, consider the peculiarities of storytelling skills and traditions, as well as factors influencing the formation of their creative personality. The biographical method of research is applied: materials of the biography of the olonkhosut, memories of relatives, home folk, acquaintances, various records, interviews, etc.) are studied. Particular attention is paid to the creativity of the olonkhosut of the border heritages of the Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts. The author of the article comes to the conclusion that the distinctive feature of Vilyuisky and Verkhnevilyuisky olonkhosuts is the strong influence of shamanism in the formation of an olonkhosut.

Keywords: folklore expedition; Vilyui ulus; Verkhnevilyui ulus; olonkho; local epic tradition; information about olonkhosut; questionnaire of olonkhosut; biography of olonkhosut; formation of olonkhosut; shamanism

For citation: Savvinova G. E. From the experience of collecting information about the olonkhosut of the Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts of Yakutia. *Epic studies*. 2023; (3): 99–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-99-107.

Введение

Научное собрание якутского героического эпоса олонхо, изучение сказительского искусства были начаты уже в XIX в. Первым прокладывал путь в неисследованную область – в сферу собирания и фиксации якутского фольклора русский ученый И. А. Худяков. Исследователь героический эпос олонхо застал уже с устоявшимися традиционными жанровыми признаками и функциональной ролью в общественной и бытовой жизни якутов [1, с. 311].

Период, наступивший после «стыка веков», оказался благоприятной основой для понимания традиционных культурных ценностей, породил осознание времени и социальных перемен у первых якутских просветителей. Вполне можно считать, что 1920–1930 гг. были годами рождения прогресса в культурно-просветительском пространстве Якутии.

По инициативе якутского писателя П. А. Ойунского, ученого-филолога, первого директора Научно-исследовательского института языка и культуры Якутской АССР, одной из важнейших задач в собирании устного народного творчества становится организация фольклорных экспедиций. За период 1938–1941 гг. были организованы экспедиции с участием фольклористов С. И. Боло и А. А. Саввина в вилюйские и северные районы Якутии, в результате которых был собран богатейший материал. «Первая Вилюйская экспедиция оказалась той научной сферой, где в полном объеме реализовалась исследовательская позиция А. А. Саввина и сформировались устойчивые научные интересы молодого С. И. Боло» [2, с. 109–110]. По результатам экспедиций в 1940 г. была издана работа С. И. Боло «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» [3]. Однако, не напечатаны в полном объеме собрания записей А. А. Саввина и С. И. Боло.

Был произведен сбор материалов устного творчества, в частности, сказительской традиции и в годы Великой Отечественной войны. В 1941 и 1946 гг. в 13 улусах Якутии было зарегистрировано 83 олонхосута и 396 текстов олонхо [4, с. 181]. Однако, недостаточно «освещена роль непосредственных исполнителей первого экспедиционного проекта института, в котором определяющее значение имели, все же, исследовательский подход, принципы отбора материала и приемы фиксации наиболее значимых составляющих» [2, с. 105–117].

Основной целью нашей работы является выявление новых сведений об олонхосутах, особенностей в формировании творческой личности олонхосута и уточнение ранее известных фактов, требующих подтверждения.

Сбор фольклорных материалов и сведений об олонхосутах Вилюйского и Верхневилюйского улусов

Примечательно территориальное расположение наслегов Верхневилюйского и Вилюйского улусов. Территории наслегов Верхневилюйского улуса – Магассы, Сургулук, Кётёрдах,

Ийылас, Ботулу граничат с Виллойским улусом, с наслегами 1 Кюлятцы, 2 Кюлятцы, Югюлятцы, Тылгыны. В процессе полевой работы в названных наслегах нами были отмечены устойчивые культурные и экономические взаимоотношения. Между жителями этих наслегов со старины веков установились общие охотничьи и сенокосные угодья, пастбища и др.

В экспедициях в Виллойский и Верхневиллойский улусы работали сотрудники Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова: Р. Н. Анисимов, Г. Е. Саввинова-Отова, О. К. Павлова и В. Н. Габышев. Экспедиционное исследование проводилось: в 2016–2018 гг. в Виллойском улусе, в 2018–2019 гг. – в Верхневиллойском. Основной целью экспедиций были фиксация сведений об олонхосутах и сбор фольклорных текстов [5, с. 171–177]. Были поставлены задачи – выявление особенностей в формировании творческой личности олонхосутов и раскрытие факторов влияния различных фольклорных традиций на творческую личность олонхосута.

В сводном отчете по экспедициям значится следующая запись: в 2017 г. в Виллойском улусе экспедиция проводилась в феврале и апреле, в 2018 г. – в апреле; в Верхневиллойском улусе также в два этапа – в марте 2018 г. и апреле 2019 г. В Виллойском улусе обследованы всего 19 наслегов, в Верхневиллойском – 20. В каждом улусе всего опрошено по более 200 информантов. В Виллойском улусе возраст информантов варьирует от 45 до 87 лет; в Верхневиллойском – от 45 до 93 лет. В результате в Виллойском улусе установлено 105 имен олонхосутов; в Верхневиллойском – 84. В ходе работы сделаны качественные записи исполнений образцов фольклора на современные аудио- и видеоносители. В общей сложности участниками экспедиций произведено более 400 полных аудио- и видеозаписей. Все материалы были переданы в Цифровой архив Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова. По материалам экспедиции была издана книга «Олонхо и олонхосуты Виллойского улуса (вторая половина XIX – начало XXI в.)» [6], а также готовится к печати книга «Эпические традиции, фольклор Верхневиллойского улуса» (вторая половина XIX – начало XXI в.). В процессе полевой работы была оказана помощь местных энтузиастов-краеведов, работников культуры, учителей и др. Часть корреспондентов содействовали и после отъезда участников экспедиции.

Перед утверждением плана и маршрута экспедиционных мероприятий мы составили предварительный список олонхосутов Виллойского, Верхневиллойского улусов, в котором указываются их фамилия, имя, отчество, год рождения и др. Однако, имеющиеся сведения об олонхосутах были весьма скудны. В связи с этим была поставлена задача продумать дополнительные вопросы, требующие от информанта развернутого ответа, значимые в контексте исследования (фамилия, имя, отчество олонхосута, дата и место рождения, семейное положение, дети; род деятельности, увлечения и др.). В записи о месте рождения уточняется название местности, например, алааса (як. *алаас* – это форма рельефа для равнинной Якутии: поле или луг в лесу рядом с озером). К примеру, немало олонхосутов родились в алаасе Амысах, расположенном вблизи наслегов Югюлятцы, 1 и 2 Кюлятцы Виллойского и Магассы, Ботулу Верхневиллойского улусов.

В процессе работы участниками экспедиции были применены методы исследовательских изысканий фольклористов А. А. Саввина и С. И. Боло. В работе использовалась не только схема проведения интервью, но и метод включенного наблюдения, т. е. ведение естественного общения с информантом. Только при такой фиксации, на наш взгляд, «изыскатель выявляет подлинность сведений об олонхосутах» [5, с. 172], локальной сказительской традиции. При интервьюировании собиратель записывает сведения и о самом информанте, заполняет паспорт информанта.

В записях, сопровождающих сведения об олонхосуте (возраст, образование, местность, профессиональная специализация), привнесены примечания «Якутские имена (*сахалыы аат*) олонхосутов». Дополнительно отмечены сведения о том, в какой семье родился олонхосут: семейные традиции, родственники-олонхосуты, окружающая среда олонхосута и др., также

сведения о наставниках-олонхосутах; составлены словники устаревших или непонятных слов. Особую важность представляют биографические данные о шаманах и целителях, влияющих на творчество олонхосута, сведения об олонхосутах-шаманах.

На наш взгляд, для выявления «истоков сказительского искусства в подлинной традиции, никем и ничем не опосредованной» [7, с. 16], фиксация материала должна максимально отражать формирование личности олонхосута. Немалое внимание уделялось на другие жанры фольклора, т. е. на такие повествовательные жанры, как легенды, исторические предания об олонхосутах и мн. др. Необходимо было установить также количество присутствующих во время выступления олонхосута, сколько времени отводилось на его выступление. Как отмечает В. В. Илларионов, «... народ высокое звание “олонхосут” давал только тем, кто удовлетворял эстетическим и духовным потребностям эпической среды, обладал настоящим талантом создателя и исполнителя» [8, с. 102]. Таким образом, значительное внимание уделено факторам, влияющим на становление олонхосута.

Особенности вилюйских и верхневилюйских олонхосутов

В отчете, составленном в 1938 г. фольклористом А. А. Саввиным, отмечается, что устная народная традиция в полном объеме функционировала только в вилюйском регионе [9, л. 10, 23]. А. А. Саввин особенность вилюйской сказительской традиции связывает с ее архаичностью.

Удаленность и изолированность от влияния «цивилизации» сыграла большую роль на вилюйские и верхневилюйские фольклорно-эпические традиции. В ходе полевой работы в отдаленных наслеггах левого притока Вилюя, реки Тюкян отмечено наличие действующих очагов локальной культурной традиции.

А. А. Саввин в творчестве олонхосутов вилюйской эпической традиции находит отражение тесной связи олонхосута и шамана, т. к. в вилюйском регионе «шаманизм, более чем в других местах, сохранил свои первоначальные черты» [9]. Б. Н. Путилов отмечает, что сказитель и шаман – два культурных типа, между которыми угадываются глубинные связи и, возможно, стадийная преемственность [10].

В сведениях особо выделялись олонхосуты, обладающие даром шамана или тесно контактирующие с шаманами из наслегов Югюлятцы, 1 Кюлятцы, 2 Кюлятцы, Тылгыны Вилюйского и Магассы, Сургулук, Ботулу, Кётёрдах Верхневилюйского улусов.

Во время интервьюирования, когда речь шла о шаманах, информанты часто употребляли выражения: *аата ааттаммат киһи* (человек, чье имя не принято произносить вслух), *улахан ойуун* (большой шаман; главный шаман) и *орто ойуун* (средний шаман), *кыра ойуун* (маленький шаман). Примечательно, что информанты делили шаманов и шаманов-олонхосутов на два типа – на якутские и тунгусские. Подобное разделение присутствует и в записях исследователя Р. К. Маака (экспедиция по Вилюйскому округу в 1877–1887 гг.) [11].

По сведению жителя наслегга Магассы Е. Е. Васильева, есть местность, расположенная вблизи реки Тюкян (название которой не сообщалось). В этой местности было захоронено несколько шаманов, удаганок, олонхосутов-шаманов [12]. Для погребальной культуры якутов нехарактерно такое захоронение, т. к. по их верованию шамана хоронили одного и в отдаленном нелюдимом месте.

В рассказах информантов отмечаются моменты, в которых они имели твердое убеждение, что олонхосут, посвященный в таинства слова, по статусу равен шаману. Многие отказывались рассказывать об олонхосутах-шаманах, которые когда-то жили в их наслеггах, остерегались даже произносить их имена (дабы не разбудить дух покойного шамана). По сведениям информантов 1 и 2 Кюлятского, Тылгынинского и Югюлятского (Вилюйского улуса) и Магасского, Сургулукского, Кётёрдахского (Верхневилюйского улуса) наслегов, наслегга Ыйыллас, образы жизни олонхосутов и шаманов ничем не отличались.

Олонхосут из Югюлятского наслегга Вилюйского улуса Н. Семенов – Боруоран, родившийся во второй половине XIX в., был кузнецом, целителем, прославленным охотником. Особенно

стью его таланта было то, что олонхосут обладал особым шаманским даром [6]. Об олонхосуте Боруоран вспоминают и информанты верхневиллойских наслегов, считая его своим земляком. Выходит, олонхосут Н. Семенов – Боруоран жил или часто менял местожительство, «мигрировал» между вилойскими и верхневиллойскими наслегам.

Шаманскими способностями обладал олонхосут из наслега 2 Кюляты С. И. Афанасьев – Мюлюрэ Уола (Мүлүрэ Уола). Жительница 2 Кюляты А. Г. Николаева поведала предание о Мюлюрэ Уола, услышанное от своей бабушки, прожившей до преклонных 106 лет [13]. Предание участники экспедиции слышали и от информантов других наслегов. Олонхосут Мюлюрэ Уола имел тесный контакт со знаменитым местным шаманом по имени Испирдиэн (Спиридон), полное имя которого местными жителями не произносится. Рассказывают, что Мюлюрэ Уола признал, что шаман Испирдиэн был его наставником, важнейшей фигурой в его становлении как олонхосута. Позже, после смерти шамана Испирдиэн олонхосут бережно хранил его одежду, ритуальное облачение – *куму*. Олонхосут Мюлюрэ Уола иногда использовал атрибуты шамана, например, в исполнении *алгысов* (як. *алгыс* – благословление, благопожелание). Также рассказали, что с олонхосутом «состязались» высшие невидимые силы. Здесь нами были замечены моменты, в которых информанты уходили от ответа.

В сказительской традиции приграничных наслегов Верхневиллойского и Вилюйского улусов совместная деятельность олонхосута и шамана обращает внимание на концепцию, выдвинутую А. А. Саввиным – «концепцию “исполнителя” шаманской мистерии, совмещающего в себе функции шамана и сказителя (совмещение функций шамана или его помощника – *кутуруксут*)» [9, л. 11–12]. А. А. Саввин отмечает глубинную ритуальную обусловленность жанров, в которой находит подтверждение в фактах существования дополнительных песнопений, сопровождающих исполнение олонхо. А. А. Саввин впервые записал ритуальную песнь «Олонхо кутуругун салайыыта» («Направление хвоста олонхо») у олонхосута из Вилюйского улуса С. Н. Каратаева – Дыгыяр (1861–1943) [10, л. 11–12]. По определению Н. В. Покатиловой, функционально эта ритуальная песнь связана с «завершением пути» самого олонхосута. В традиционном названии песни «Направление хвоста олонхо» слово «хвост» (*кутурук*) использован в значении «конец, завершение», как и в шаманской практике: *кутуруксут* – помощник шамана при совершении ритуала шаманского камлания [2, с. 110]. Такой же позиции придерживается А. А. Кузьмина: она считает, что вставная песня «Направление хвоста олонхо» имела ритуальный характер и по прагматике выполняла функции сакрализации эпоса, обеспечения безопасности слушателей от злых действий представителей потустороннего мира. Далее А. А. Кузьмина объясняет, что слово «хвост» имеет переносное значение «конец чего-либо» и используется в терминологии якутского шаманизма [14, с. 106].

В материалах экспедиций существует интересное сообщение о том, что олонхосута Мюлюрэ Уола звали Ойуун Кутуруксута (Помощник Шамана). По рассказам информантов из разных наслегов, олонхосут был наделен сверхспособностями. Рассказывали, что олонхосут Мюлюрэ Уола любил уединение, часто уходил в лес, ходил в отрешенном состоянии, жил в «ином», в своем мире. Как и шаман, был физически крепким, был одарен искусством перевоплощения. Его уникальность заключалась в том, что он обладал целительными способностями и проводил с шаманом Испирдиэн ритуалы и церемонии. При этом никто не называл его шаманом, а звали Ойуун Кутуруксута.

Олонхосут родом из Сургулукского наслега Верхневиллойского улуса В. В. Степанов – Суор Уола (1882–1979) был потомственным шаманом. По сведениям информантов С. В. Степанова – сына олонхосута Суор Уола, а также И. Н. Харитонова – жителя Балаганнахского, В. А. Буртаховой – жителя Ботулинского наслегов и др., отец Суор Уола шаман Суор Ойуун (букв. Шаман Ворон) в своем краю был одним из сильных шаманов. Рассказывали, олонхосут-шаман Суор Уола обладал способностью «видеть» то, что не видят другие, «слышать» то, что не слышат другие. Он мог предсказывать глобальные изменения в природе и в жизни человечества.

По заключению информантов, здесь нет ничего удивительного, т. к. он являлся потомком шамана Суор Ойуун [12].

От информантов И. Н. Харитонов, Е. Е. Васильева записаны сообщения о том, что иногда шаманы обращались за помощью к олонхосутам. Они просили у олонхосутов слова для *алгысов*, бывало, даже фразы *кырыыс* (як. *кырыыс* – проклятие). Например, есть сведения о том, что приходили за помощью к олонхосуту Н. С. Александрову – Ынта Никиитэ (Дюлюкинский наслег) и олонхосутам из наслега Магассы [12].

Информант Н. Ф. Кононова поведала об олонхосуте С. Герасимове – Онохо Ойуун из 2 Кюлятского наслега Виллюйского улуса. Онохо Ойуун одновременно был олонхосутом, шаманом и кузнецом. Его олонхо славилось необыкновенно богатым языком. Вместе с тем, как отмечает Н. Ф. Кононова, в его олонхо было много незнакомых ей слов. Однажды композитор М. Н. Жирков пригласил олонхосута-шамана Онохо Ойуун в город Якутск участвовать в постановке олонхо «Нюргун Боотур». Однако олонхосут отказался, мотивируя тем, что советская власть не одобрит его выступление на большой сцене [13]. Из Югюлятского наслега Виллюйского улуса информант В. Л. Бочаров рассказывал об олонхосутах Б. Алексеев – Саайы Уола и Н. Семенове – Боруоран, которые также обладали способностями шамана. По воспоминаниям В. Л. Бочарова, олонхосут Б. Алексеев своим исполнением олонхо излечил его, когда он был тяжело болен. Информанту тогда было всего три года. По рассказам информантов, Б. Алексеев – Саайы Уола «изгнал духа болезни», т. е. вылечил больного, исполняя олонхо. Он так же, как и шаман, делал заклинания над больным. Известно, что в старину олонхосуты сказывали и во время эпидемии. К примеру, в долганской традиции «во время эпидемии заставляли вечером рассказывать “хорошие былины”, в которых несчастья героев кончаются счастливым исходом» [15, с. 16]. Иными словами, считалось, что олонхо имеет сильное магическое действие, «застылает глаза духу болезни. Вот потому, сказывать олонхо заставляли, также, и в “худые”, с болезнями, годы» [16, с. 26].

Бытуют невероятные истории из жизни олонхосутов Виллюйского, Верхневиллюйского улусов. Так, существует легенда о верхневиллюйском олонхосуте Уйбаанта, основанная на реальном событии. Этот олонхосут родился и жил в Ботулинском наслеге в XIX в. Сюжетная особенность народной легенды отличается тем, что она останавливается исключительно на народном веровании. В легенде повествуется о том, как олонхосут по имени Уйбаанта соревновался с нечистой силой – абаасы: «Давным-давно местные богачи каждую весну, когда природа просыпалась от долгой зимней спячки, собирали народ на поляну и организовывали слушание сказания Уйбаанты. Когда Уйбаанта начинал сказывать олонхо, от его прекрасного голоса зеленые листья берез колыхались, птицы, лесные звери утихали, слушали его песню. Уйбаанта с раннего возраста прославился в своих краях и в близлежащих улусах, которому не было равных, и его звали не иначе как Певец Уйбаанта. Однажды, когда Уйбаанта с другом возвращались домой из Виллюйска, Уйбаанта всю дорогу пел тойук, сказывал олонхо. Однако в это время вместе с ним исполнял олонхо-тойук нечистый дух-абаасы. Уйбаанта знал о том, что кто из них первый остановит песню, потерпит поражение. Вот потому он пел без остановки. К несчастью, его лошадь на неровном месте споткнулась и в это время Уйбаанта, буквально на короткое время, прервал песню. Тогда с неба раздался ликующий возглас: “Я победил!”. Войдя в дом, Уйбаанта неожиданно свалился от головной боли и, не приходя в сознание, на четвертые сутки, умер. Рассказывают, что до недавнего времени Уйбаанта своим пением предупреждал о приближающейся смерти человека из рода Хахсык (он сам из рода Хахсык)» [12]. Рассказ с таким же сюжетом зафиксирован и от виллюйских информантов, в котором речь идет о «состязании» олонхосута Мюльюрэ Уола «с верхними силами».

Материал об олонхосуте и певце Н. Семенове – Боруоран записан от верхневиллюйских информантов (олонхосут, который также известен как олонхосут из Югюлятского наслега Виллюйского улуса). Он родился во второй половине XIX века, в местности Ыйылас Сургулукского

наслега Верхневиллойского улуса. Особенностью эпического творчества Боруоран было то, что он все время постоянно напевал, в частности, ролевые песни из своего олонхо. Как правило, в старину якуты недолюбливали человека, слишком увлечённого пением, т. к. считали, что его деятельность разрушает будущее потомков, что обязательно последует возмездие. Вследствие таких предрассудков, якобы пением можно навлечь беду на своих близких, его и прозвали *Буорту Боруоран* (от *буорту* – порченный; порченный пением).

В эпической традиции тюркских народов существует погребальное исполнение героического эпоса во время похоронных обрядов [17; 18; 19]. Известны события в якутской традиции о том, что в доме с усопшим человеком исполняли олонхо. Обнаружено следующее сообщение об олонхосуте Маркове (имя олонхосута неизвестно). Олонхосут родился во второй половине XIX в. в наслеге Намцы Верхневиллойского улуса. Из сообщения информанта К. Ф. Павлова, а также из его книги «Рассказы о взлётах и падениях моей жизни» [20] известен один случай об олонхосуте Маркове. Отец информанта Ф. Н. Павлов (1890–1959) и олонхосут Марков были близкими друзьями. Как вспоминает автор, в день похорон жены Ф. Н. Павлова (матери К. Ф. Павлова) Марков сказывал олонхо, также они вместе (олонхосут и вдовец) пели олонхотойук. Данное событие было зафиксировано 28 января в 1957 г.

По сведениям информантов, совместное исполнение олонхо в похоронной церемонии было распространённым явлением в Вилюйском и Верхневиллойском улусах. Так, в материалах фольклорной экспедиции в Вилюйском улусе от 2017 г. записано следующее: «Когда скончалась супруга олонхосута С. П. Еремеева – Дэдэгэс, во время её похорон сказывали олонхо братья олонхосуты Прокопьев Николай Прокопьевич – Сюёдэлик (Сүөдэлик) и Прокопьев Савва Прокопьевич – Чаккаа» [13]. Далее, следующее сведение: «Олонхосут Буслаев Илья Иванович – *Атаҕа Суох Ылдьаа* (букв. Илья Безногий) водил дружбу с Тэмпэ Осипом (Тэмпэ Уоһук). Они жили в местности Алаас (Вилюйского улуса). Дочь Тэмпэ Осипа, Татьяна Осиповна услышала от отца, что олонхосут на поминках друга должен был исполнять олонхо, при этом сказывать должен в течение двух или трёх суток. Как и было оговорено ранее, когда умер Тэмпэ Осип, олонхосут Атаҕа Суох Ылдьаа проводил в последний путь своего друга, сказывая олонхо в течение двух суток» [14].

Заключение

Таким образом, анализ сведений об олонхосутах, их биографических данных, воспоминаний родных и знакомых олонхосутов, позволили сделать следующие выводы:

- особенностью сказительской традиции приграничных наслегов Вилюйского и Верхневиллойского улусов является то, что они имели тесную связь с шаманами;
- олонхосуты совмещали в себе функции шамана и сказителя, в связи с чем информанты их называли «олонхосутами-шаманами»;
- шаманы обращались за помощью к олонхосутам: просили у олонхосутов слова-*алгысы* (с як. *алгыс* – благословление, благопожелание) и слова-*кырыыс* (с як. *кырыыс* – проклятие);
- олонхосуты исполняли погребальное исполнение олонхо во время похоронных обрядов.

Литература

1. Худяков, И. А. Верхоянский сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. Т. 1. Вып. 3. – Иркутск : Изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890. – 314 с.
2. Покатилова, Н. В. К типологическому открытию «устной традиции»: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1938 г.) // Кунсткамера. – 2021. – № 1. – С. 105–117. – DOI : 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105-117.
3. Боло, С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов б. Якут. окр. – Якутск : Бичик, 1994. – 319 с.
4. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 402 с.

5. Саввинова, Г. Е. Историко-этнографические аспекты эпического сказительства Вилюйского улуса Якутии // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 65. – С. 171–177.
6. Олонхо и олонхосуты Вилюйского улуса Якутии: (II половина XIX – начало XXI вв.) / [авторы-составители : Р. Н. Анисимов, Г. Е. Саввинова-Отובה, О. К. Павлова, В. Н. Габьшев]. – Якутск : Алаас, 2017. – 173 с.
7. Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира : сборник научных статей / ответственный редактор В. Н. Иванов. – Якутск : Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2004. – 156 с.
8. Илларионов, В. В. Эпическое наследие народа саха. – Новосибирск : Наука, 2016. – 344 с.
9. Саввин, А. А. Отчет о работе Вилюйской экспедиции Института языка и культуры. 1938 // Рукописный фонд АЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. – 23 л.
10. Путилов, Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). – Москва : Восточная литература, 1997. – 295 с.
11. Маак, Р. К. Вилюйский округ. 2-е изд. – Москва : АО «Яна», 1994. – 576 с.
12. Анкеты информантов фольклорных и эпических традиций Верхневилюйского улуса. Сост. Р. Н. Анисимовым, Г. Е. Саввиновой-Отובה, О. К. Павловой, В. Н. Габьшевым в 2019 г. // Научный архив НИИ Олонхо СВФУ. – Ф. 1. Оп. 5. – 650 л.
13. Анкеты информантов, знатоков фольклорных и эпических традиций Вилюйского улуса. Сост. Р. Н. Анисимовым, Г. Е. Саввиновой-Отובה, О. К. Павловой, В. Н. Габьшевым в 2017 г. // Научный архив НИИ Олонхо СВФУ. – Ф. 1. Оп. 5. – 101 л.
14. Кузьмина, А. А. «Кутурук салайар ырыа» («Хвост направляющая песня») в олонхо Вилюйского региона: аспекты прагматики // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 1. – С. 106–111.
15. Шаракшинова, Н. О. Бурятский фольклор. – Иркутск : Кн. изд-во, 1959. – 227 с.
16. Ефремов, П. Е. Долганское олонхо. – Якутск : Кн. изд-во, 1984. – 133 с.
17. Садалова, Т. М. Ритуально-магические функции алтайской сказки в обрядовой системе сибирских тюрков // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 30.
18. Орус-оол, С. М. Тувинские героические сказания: Хунан-Кара. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлэй. – Новосибирск : Наука, 1997. – 582 с. (На тувинском и рус. яз.)
19. Хакасское народное поэтическое творчество / М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева. – Абакан : Красноярское кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1972. – 311 с.
20. Павлов, К. Ф. Рассказы о взлётах и падениях моей жизни. – Якутск : Прогресс, 2012. – 102 с.

References

1. Khudyakov, I. A. Verkhoyansk collection: Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs, recording by I. A. Khudyakov in Verkhoyansky district. Vol. 1, iss. 3. Irkutsk, Publ. at the expense of I. M. Sibiryakov, 1890, 314 p. (In Rus.)
2. Pokatilova, N. V. To a typological discovery of the “oral tradition”: the first expedition project of the Academic Institute of Language and Culture at the Council of People’s Commissars of the YASSR (1938). *Kunstkamera*. 2021, no. 1, pp. 105–117. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105-117. (In Rus.)
3. Bolo, C. I. The past of the Yakuts before the Russians came to Lena: According to the legends of the Yakuts of Yakutsk env. Yakutsk, Bichik Publ., 1994, 319 p. (In Rus.)
4. Ergis, G. U. Essays on Yakut folklore. Moscow, Nauka Publ., 1974, 402 p. (In Rus.)
5. Savvinova, G. E. Historical and ethnographic aspects of epic storytelling of Vilyuisky district of Yakutia. *Tomsk State University Journal of History*. 2020, no. 65, pp. 171–177. (In Rus.)
6. Olonkho and olonkhosuts of the Vilyuisky district of Yakutia: (II half of the 19th – early 21st centuries). Authors: R. N. Anisimov, G. E. Savvinova-Otובה, O. K. Pavlova, V. N. Gabyshev. Yakutsk, Alaas Publ., 2017, 173 p. (In Rus.)
7. Yakut epic in the context of the epic heritage of the peoples of the world: collection of scientific articles. Chief editor V. N. Ivanov. Yakutsk, Yakut branch of the Publ. House of the SB RAS, 2004, 156 p. (In Rus.)
8. Illarionov, V. V. Epic heritage of the Sakha people. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 344 p. (In Rus.)
9. Savvin, A. A. Report on the work of the Vilyui expedition of the Institute of Language and Culture. 1938 In: Manuscript fund of the Yakut National Center SB RAS archive. F. 5. Op. 3. Unit ridge. 270. 23 sh. (In Rus.)

10. Putilov, B. N. Epic storytelling: typology and ethnic specificity. (Studies on folklore and mythology of the East). Moscow, Oriental literature Publ., 1997, 295 p. (In Rus.)
11. Maak, R. K. Vilyuisky district. 2nd ed. Moscow, LC “Yana” Publ., 1994, 576 p. (In Rus.)
12. Questionnaires of informants of folklore and epic traditions of the Verkhnevilyuisky district. Comp. R. N. Anisimov, G. E. Savvinova-Otova, O. K. Pavlova, V. N. Gabyshev in 2019. In: Scientific Archive of the Research Institute Olonkho SVFU. F. 1. Op. 5, 650 sh. (In Rus.)
13. Questionnaires of informants, experts in folklore and epic traditions of the Vilyuisky district. Comp. R. N. Anisimov, G. E. Savvinova-Otova, O. K. Pavlova, V. N. Gabyshev in 2017. In: Scientific Archive of the Olonkho Research Institute of the North-Eastern Federal University. F. 1. Op. 5, 101 sh. (In Rus.)
14. Kuzmina, A. A. “Kuturuk salayar yrya” (“Tail guiding song”) in the olonkho of the Vilyui region: aspects of pragmatics. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2020, no. 1, pp. 106–111. (In Rus.)
15. Sharakhshinova, N. O. Buryat folklore. Irkutsk, Book Publ. House, 1959, 227 p. (In Rus.)
16. Efremov, P. E. Dolgan olonkho. Yakutsk, Book Publ. House, 1984, 133 p. (In Rus.)
17. Sadalova, T. M. Ritual-magical functions of the Altai tale in the ritual system of the Siberian Turks. *Tomsk State University Journal*. 2008, no. 313, p. 30. (In Rus.)
18. Orus-ool, S. M. Tuvan heroic tales: Khunan-Kara. Boktug-Kirish, Bora-Shelei. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, 582 p. (In Tuvan and Rus.)
19. Khakas folk poetic creativity. Comp. M. A. Ungvitskaya, V. E. Mainogasheva. Abakan, Krasnoyarsk Book Publ. House. Khakas branch, 1972, 311 p. (In Rus.)
20. Pavlov, K. F. Stories about the ups and downs of my life. Yakutsk, Progress Publ., 2012, 102 p. (In Rus.)